

МИХАИЛ КОЗЫРЕВ

ЗОНА

ОТВЕТСТВЕННОСТИ

*Психологический
роман-практикум*

ПРИВЫЧКИ
НОВОЙ ЖИЗНИ

Михаил Козырев

**Зона ответственности.
Привычки новой жизни**

«Автор-Онлайн»

2025

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2=411.2)64-44

Козырев М. А.

Зона ответственности. Привычки новой жизни / М. А. Козырев —
«Автор-Онлайн», 2025

ISBN 978-5-6054914-4-6

Вниманию читателей предлагается роман-трансформация. Произведение описывает события, в результате которых персонажи переживают внутреннюю перестройку, меняют взгляды на жизнь. Главный герой книги оказывается в центре семейного кризиса: жена отдаляется, муж впервые смотрит на отношения в паре честно, объективно оценивая происходящее. Через испытания и внутренние поиски герой постепенно меняется. Он учится заново слышать себя, находит силы для преображения и открывает в себе нового мужчину, который отвечает за свои чувства, каждый поступок и решения. «Зона ответственности» — психологический роман с элементами мистики о том, как кризис становится началом перемен.

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2=411.2)64-44

ISBN 978-5-6054914-4-6

© Козырев М. А., 2025
© Автор-Онлайн, 2025

Содержание

От автора	6
Глава первая	7
Глава вторая	15
Глава третья	22
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Михаил Козырев
Зона ответственности.
Привычки новой жизни
Психологический роман-практикум

© М. А. Козырев, 2025

АВТОР ОНЛАЙН[®], 2025

* * *

От автора

Основная задача, которую я ставил перед собой, начиная писать эту книгу, – поделиться с читателями практическими инструментами, которыми я успешно пользуюсь в жизни; они помогают мне в поддержании позитивного настроения, гармоничного спокойствия и уверенности в себе. Главный герой книги переживает семейный кризис и стремится преодолеть его, проделывает большую работу над собой, переживает внутренние трансформации – и справляется с кризисом, выводя отношения в семье на новый, более высокий уровень. Может быть, читатели книги – не все, но многие – тоже испытывают жизненные трудности, не обязательно семейные, это могут быть проблемы в отношениях с друзьями, с коллегами по работе, неуверенность в себе, своих способностях. Человек при этом чувствует обиду, боль, разочарование, но не знает, что может помочь ему преодолеть эти невзгоды. Надеюсь, моя книга станет действенной помощью читателю, а пример работы главного героя над собой позволит с пользой применить полученные знания в решении собственных житейских проблем.

Глава первая

Другой

Первым чувством, которое пришло к Алексею после того, как он завершил телефонный разговор, едва сумев попасть пальцем на красную кнопку отбоя, стала боль. Она возникла откуда-то из глубины, резанув в левом подреберье, и ударила прямо в ухо, у которого держал трубку. Пронзительная, острая и, по-видимому, прочная, не из тех, что улечиваются быстро. Но сейчас боль требовала выброса избытка чувств, снижения внутреннего давления – и рука Алексея с силой врезалась в дверной откос, едва успев сжаться в кулак.

– Чтоб тебя! – Алексей, схватив здоровой рукой ударенную, стал качать ее, как раскрячавшегося младенца. Костяшки пылали, но то, что бурлило внутри, не успокоилось. «Как странно, – подумал он, постанывая сквозь зубы, – не могу вспомнить ничего подобного...»

Прежний опыт боли почти всегда имел чисто физическую природу, совершенно ясную и понятную причину. Вот асфальт, а вот колено, которым к нему приложился. Больно. Но сейчас все было совершенно иначе, пугающе иначе...

В груди уже не столько горело, сколько ныло, и чем меньше ощущалась боль, тем лучше соображала голова. Мозг начал работу, не дожидаясь разрешения Алексея, который предпочел бы сейчас забыться, уснуть и желательно впасть в летаргию лет на сто. Интересно, проснулся бы он в том же самом, угашенном болью состоянии или ему было бы плевать на события прошлого?

Летаргия не наступала, поэтому пришлось смотреть картинки, которые принялось продуцировать сознание, добравшееся до залежей памяти. Или подсознание? В любом случае Алексей с удивлением понимал – в том, что сообщает ему мозг, нет сюрприза, а есть только самообман, который позволял не замечать того, что происходит пусть не на его глазах, но и не слишком тайно.

Первое изображение, возникшее из воспоминаний примерно полугодовой давности, предъявило ему гибкий силуэт жены в полумраке прихожей – она застегивает босоножку, что, очевидно, свидетельствует о конце весны или о лете, а может, начале сентября. Типичный, только ей присущий жест узкой ладони, приглаживающей волосы.

Он не видит этого, но догадывается, что она, слегка прищурившись, заглядывает в зеркало на свои губы – не размазалась ли помада. И смешная гримаска – проверить, не попал ли яркий пигмент на белизну ее зубов. Его всегда забавляло наблюдать за женой в такие моменты.

– Ты куда? – спрашивает он, шествуя с кружкой чая к компьютеру. – Мы вроде собирались... – у них намечался важный разговор по бизнес-вопросам, в которых жена помогала Алексею. Но она уходит. Странно.

– Никуда. Просто надо с девочками встретиться... – ее голос удивительно обезличен. Плоское полотно слов, в которых мало смысла. Занавес перед сценой, которой он не видит. Тогда вот не подумал, что надо сорвать его, чтобы обнажить правду. Почему? Он был занят. Всегда занят...

Еще один эпизод, случившийся пару недель спустя. Он едет по городу после каких-то дел. Звонит жене спросить, заехать ли за ней в ее госконттору, а она не отвечает. Через сто метров точка бифуркации: налево дорога домой, а направо – к ее конторе. Он уже перестроился в правый ряд, но вместо ее голоса в трубке все еще звучат тревожные гудки.

Так долго, что становится не по себе – жена никогда не бросает телефон где попало, никогда не забывает его в карманах пальто, сумках, как это часто делают другие люди. Алексей привык слышать ее «А, это ты!», едва набрав номер. Когда-то эти слова звучали свежее и

нежнее, сейчас – с пресным ощущением обыденности, но дружелюбно. Тогда ему подумалось: что ж, пусть отвечает любым тоном, но лишь бы ответила...

Он резко отбрасывает телефон на пассажирское сиденье, которое в этот вечер останется пустым, подавляя тревогу раздражением. Ничего, сама домой доберется – на общественном транспорте! Собирался заехать за ней, но раз она не желает элементарно снять трубку, то пусть локти кусает, когда вернется домой и он скажет ей: «А ты не заметила мой пропущенный звонок? Хотел забрать тебя с работы...»

Точка бифуркации приближается. Алексей резко выворачивает из правого ряда, пересекает центральный и вписывается в левый. Его маневр вызывает яростные гудки водителей, которых он подрезал и которым каким-то чудом удалось не довести опасную ситуацию до аварийной. Наверняка его прокляли до четвертого колена! Но в чем он виноват, если жена...

И тут раздается звонок. Она. Делано смеется, оправдываясь всякими глупостями: телефон лежал на рабочем столе в ее кабинете, когда она побежала смотреть свадебные фотки сотрудницы в соседний кабинет.

– Ты же знаешь, как я люблю рассматривать невест! – это должно было прозвучать восторженно, но в голосе жены снова слишком мало чувств.

– Нет, в первый раз слышу, – отвечает ей мстительно, не обращая внимания на то, как равнодушно она играет свою роль. Словно ей уже не нужны зрители этого театра, будто бы есть другие, кто достоин увидеть ее во всей красе.

До поворота остается метров десять, Алексей уже не успеет перестроиться снова. Да его просто порвут, если он попробует!

Он очень хочет услышать ее вопрос: «А зачем ты звонил?», чтобы сообщить о том, как бестолково она потеряла шанс попасть домой быстро и с комфортом.

Вместо этого она безлично произносит:

– Я задержусь сегодня, невеста ведет нас в кафе.

Он досадливо выворачивает руль налево. Она завершает разговор, бросив на прощание тусклое «пока».

Теперь сцены в сознании Алексея сменяются отдельными кадрами – обыденными эпизодами быта, которые сейчас, в контексте внезапного прозрения, наполняются особым смыслом. Гадко, что к нему привел звонок приятеля, который заметно торжествовал, сообщая, что жена Алексея сидит в кафе далеко не с Алексеем, притом что парочка выглядит так, будто «что-то между ними там происходит». Приятель вложил в эти слова столько яда, что можно убить лошадь. Он любил выдавать пророческие предсказания, и какой же прекрасный выпал шанс, наконец, выступить не в образе надоевшей всем Кассандры, а в роли репортера на месте событий.

И тут в мозгу возникает новая картинка: ее быстрая рука, прячущая телефон от его глаз сразу после звукового уведомления о пришедшем сообщении и появления на экране текста. Он бы и не заметил этого, если бы не ее реакция, но теперь на долю секунды ему становится интересно, кто пишет его жене и что. Он не задумывается, зачем ей скрывать от него переписку, а все-таки мозг отслеживает нелогичность, делает скриншот события и упаковывает его в отдельную папку.

Да что он о мелочах!.. Мало ли всяких кадров в жизни любого человека? Если уж извлекать из палат своей памяти такую чушь, то лучше бы вспомнил это ее внезапное увлечение клубами – мол, учится петь караоке, но ничего ему не споешь, потому что не может без минусовки.

В напарницы она выбрала Катю, подругу детства, девицу с наглым взглядом и наращенными ресницами. С ней он связывал ту часть жизни жены, о которой мужьям не рассказывают. Вряд ли что-то действительно шокирующее, но противно, что какая-то там подруга посвящена, а он нет.

Кстати, Алексей Кате тоже не нравился, неприязнь была обоюдной.

– Катя заходила, сказала, что у нас дома не повернуться из-за твоего офиса! – делилась жена.

Или:

– На твоём сайте полно ошибок, Катя сказала.

– Ей-то откуда знать, грамоту освоила?! – саркастически интересовался Алексей.

Разлад налицо, и теперь, когда она увлеклась караоке, его в клуб не звали, потому что...

– Ты же не любишь Катю!

Настаивать не хотелось. Как-то унижительно ввязываться в разборки по столь примитивному поводу. Нравится ей караоке – пусть поет, а ему есть чем заняться.

И вот уже с полгода, как она пропадает в ночных клубах, а он даже не спрашивает о певческих достижениях, потому что... Неинтересно? Слишком занят, чтобы задать один простой вопрос? Не хочет слышать этот тон, за которым таится нечто неприятное?

Вишенкой на торте стало воспоминание о разговоре с сестрой.

– ...Подарок на свадьбу помогла купить твоя жена! Она не говорила? Я торчу в торговом центре уже час, ничего не могу выбрать, а тут идет она. Я к ней – помоги! А она вроде бы с каким-то парнем, ну, сотрудник там или кто-то еще...

– Сотрудник? – отозвался Алексей, – в ее отделе никаких парней нет.

– Да?.. – осеклась сестра. – Ну, я что-то напутала...

– Да я же полный идиот! – сказал он вслух, разорвав тишину, привычно висящую в квартире.

Алексей ринулся вперед.

«Сейчас я приеду в кафе и разнесу его так, что камня на камне не останется! – пообещал себе он. Эта мысль стала таблеткой обезболивающего, которую судорожно запихиваешь в рот, предчувствуя и подгоняя освобождение от страданий. – Вы за кого меня принимаете? Вы вообще все охренели!..»

Его злость не имела четкой направленности, он не знал точно, что хочет сделать, лишь чувствовал, что если сломает табуретку, стол, а еще лучше – чью-нибудь руку, то ему станет легче. Он выскочил в прихожую, схватил куртку, нащупал ключи от машины в кармане, выбежал за дверь.

Запирая квартиру, вспомнил о бейсбольной бите, лежавшей в кроссовере. Ему представилось, как рукоять ложится в ладонь, как приземляется тупая головка биты на барную стойку, как разлетаются осколки битого стекла и вопят ошарашенные посетители. Он видел жену, которая бросается к нему, чтобы утешить, унять, объяснить – дурацкая ошибка, Дима напридумывал, все хорошо!

Выбегая из подъезда, Алексей одновременно кривился от ярости и улыбался, что выглядело – какое счастье, что никто не встретился по дороге! – жутко.

Вечерний полумрак двора был пуст по причине усилившегося дождя. Ни бабулек на лавках, ни деток в песочнице. Алексей свернул к парковке, располагавшейся за кустистым газоном, и только тогда увидел белую Витькину «Тойоту» тридцатилетней давности. Еще шаг, и за отступившей веткой обнаружился и сам Витёк. Он стоял метрах в десяти, спиной к Алексею. Только этой встречи сейчас не хватало!

Алексей, сменив галоп на шаг, прошел к своей машине, стоявшей чуть в стороне от «Тойоты», быстро проскользнул внутрь. Рука потянулась за ключом, но тут же отдернулась. Застонав от ярости, Алексей осознал страшную вещь: «Если сейчас поеду в кафе и разнесу его, то будет мне инцидент с Витьком, эпизод второй! А стоять мне это будет не нервов и не денег, а свободы».

Опустив голову на руки, сложенные на рулевом колесе, Алексей замер, стараясь удержать себя от чего-то ужасного...

Спустя минуту он выбрался из машины и медленно, будто к ногам привязаны гири, поплелся в сторону своего подъезда. Проходя мимо «Тойоты», он почти столкнулся с Витьком, который оказался – Алексей отпрянул от неожиданности – совсем другим человеком. Того же роста, что и Алексей, то есть на голову выше соседа, спортивный, скорее – крепкий. Человек смотрел куда-то в сторону, так что лицо разглядеть не удалось, но был совершенно незнаком. Получается, у «Тойоты» стоял не Витёк, но именно иллюзия его присутствия заставила Алексея отменить планы разнести кафе и нажить новые неприятности.

«Как странно получилось», – подумал Алексей.

История с Витьком случилась около полугода назад. Если бы Алексея в тот день попросили описать его внутреннее состояние, то он назвал бы его коллапсом. Недосып в течение нескольких месяцев катализировал нервозность, причина которой заключалась в череде неудачных бизнес-решений, поставивших под удар все его дело. Он не просто чуял беду, он ее просчитывал. А чем хуже становилась ситуация, тем меньше он позволял себе обсуждать ее с родными и друзьями. Даже жене, которая ежедневно помогала в делах, не рассказывал о дамокловом мече. Зачем? Она расстроится, будет переживать, задавать вопросы, вовлекать в обсуждение проблем посторонних.

В итоге Алексей оказался в положении, одновременно изолированном и ложном, один на один со своими тревогами. А они, вампиры, вытянули все нервы.

Подъезжая к дому, Алексей приказал себе продержаться несколько часов до того момента, когда жена уйдет спать. Потом он нальет пива, сядет перед компьютером и попробует еще раз все обдумать и просчитать. Из любого безвыходного положения всегда есть выход! Даже если ты в него не веришь.

Выключив двигатель машины, он открыл дверцу, но не успели подошвы его кроссовок коснуться асфальта, как воздух сотрясся от матерщины. Выбравшись из машины, не замечая, что его левый глаз начинает дергаться, он оказался лицом к лицу с источником звуков – соседом со второго этажа Витьком. Тяжело пьющим типом, от которого выла вся его семья, включая пожилую болонку.

– Ты чем-то недоволен? – спросил Алексей.

– Ты, блин, не там паркуешься! – взревел Витёк.

Новый поток ругательств резал уши, от него сводило мышцы. Внезапно все проблемы ушли на второй план, и теперь хотелось только одного – чтобы Витёк заткнулся. И тут с Алексеем случилось то, чего он сам от себя не ожидал. Коротко размахнувшись, он ударил Витьку под дых, а когда тот скрючился, принялся бить его, с каждым ударом ощущая восхитительный выброс эндорфинов...

В себя Алексей пришел только после того, как его оттянули от лежащего на земле и стонущего Витьки. Даже сейчас тот издавал лишь матерщину, но, будучи в положении жертвы, сосед пользовался неписаным сочувственным разрешением выразить состояние своего тела и души так, как это ему ближе по духу.

Была скорая, полиция. Витёк подал заявление по поводу причинения ущерба здоровью, Алексей стал фигурантом уголовного дела. Родители пребывали в состоянии глубокой подавленности, сестра пыталась поддержать, а жена... Она была рядом, но с того момента словно бы отстранилась, ушла в тень.

Происшествие сильно встряхнуло Алексея. Он впервые испугался себя, своей дикой реакции, той ярости, которая моментально стерла из его сознания все существующие внутренние барьеры. Знать о себе такое было страшно.

Алексей возвращался от парковки к подъезду, не замечая дождя, уже промочившего волосы и плечи под курткой.

«Другой мужчина, – эти два слова звучали дико, вызывая в сердце уже не просто абстрактную боль, а конкретную острую обиду. – У нее другой мужчина, потому что... а почему? Я всегда вел себя правильно: работал, забывая о своих интересах, стремился не просто порадовать и удивить, а угодить», – размышлял он подавленно.

Ярость отступила, теперь ему было жаль себя, жаль своих усилий, того доверия, которое он испытывал к ней: «Она думает только о себе, так всегда было. Ей нужно то-сё, и я не отказываю. Забил на спорт, а ведь с детства занимался. У меня нет никакого караоке, растяжки, английского, а она посвящает своим хобби столько времени, сколько хочет. На ее увлечения мы всегда находим деньги, но на мои – нет!»

Он вошел в по-прежнему пустую квартиру, теперь ясно представляя, что та, которой здесь сейчас нет, рядом с другим. Она обманывает, но он этого не заслуживает.

«Ладно, она же не из-за денег со мной живет, нас связывает гораздо большее, чем общий бизнес и общие квадратные метры! Я всегда выслушивал ее, пытался поддержать, думал о ней, а не о себе...»

Бродя по квартире, не такой уж большой, чтобы достаточно скоро не очутиться на кухне, Алексей открыл холодильник. В нем была какая-то еда, но есть не хотелось. Зато нашлось пиво. Вытащив пару банок, он поплелся к телевизору. Сел, нащупал пульт – экран засиял яркими красками.

Все, что бы он ни попытался посмотреть, не имело смысла. Так, переключая каналы и потягивая пиво, он просидел до полуночи, а потом пошел спать. Ее возвращение домой не разбудило Алексея.

Проснувшись утром, Алексей так и не решил, как вести себя с женой, какой взять тон. Она держалась обычно – собиралась на работу, говорила только о тех вещах, не упомянуть о которых было бы невозможно, обращалась к нему со слабой механической улыбкой. И ни слова о вчерашнем вечере. Алексей уже открыл рот, чтобы задать провокационный вопрос, однако удержался, опасаясь распахнуться. Сейчас он точно знал, что не хочет выяснения отношений. Вчера – хотел, но сегодня у него нет на это внутренних сил, а еще нет понимания того, к чему бы он хотел прийти в результате откровенного разговора. Механическая улыбка как раз подсказывала – ничего дельного из этого не получится.

Выбравшись из постели, Алексей налил чашку чая, уселся перед компьютером в своем «домашнем офисе», который, видите ли, не понравился Кате. Не работалось.

После первого глотка пришло неожиданное решение: «Надо попросить совета. У кого-то, кто знает толк в семейной жизни. Например, у деда. Все-таки девяносто девять лет прожил, накопил мудрости... С мамой о том, что происходит, лучше не говорить – расстроится. Папа начнет вопросы задавать, а мне ничего объяснять не хочется. Дедушка – тот самый человек, что мне сейчас нужен».

Хлопнула входная дверь. Она ушла.

Время для визита к деду Алексей выбрал с расчетом на то, чтобы разговору не помешал никто другой из семьи. Он заранее выяснил, что папа и мама укатили на дачу, а это означает, что вернутся они не ранее вечера.

Входя в комнату человека, прожившего почти сто лет, Алексей думал о той бездне воспоминаний, которую хранит память деда. Наверное, это интересно – располагать возможностью вспоминать так много лет и людей, что для их описания понадобится целая библиотека.

– Дедушка, слушай, мне нужен совет, – сказал внук, садясь на диван.

Сидевший за письменным столом пожилой человек, в чьих чертах Алексей узнавал самые приметные признаки их рода, что-то читал, пользуясь большой лупой. Появление внука отвлекло его, он поднял голову и улыбнулся.

– Слава богу, дождался – хоть кто-то обратился за советом! – дед иронизировал, но его обрадовала просьба внука. – Так что ты хочешь спросить?

– А скажи, как вы с бабушкой преодолевали сложные ситуации?..

Вопрос Алексея прозвучал очень уж неконкретно, но дед уточнять не стал – зачем смущать мальчика?

Взгляд старика упал на большую отретушированную художником лет пятьдесят назад фотографию. Они с женой, нарядные, позируют в ателье. Он сидит, она стоит вполоборота к объективу, оба смотрят прямо, строго. Уже и немолодые, и дети не маленькие, но есть еще будущее, есть надежды.

Ожидая ответа, Алексей пытался представить дедушку молодым и вообразить себе его ощущения. Бывало ли ему так же больно и обидно, как вчера было больно и обидно его внуку?

– По-разному мы сложные моменты преодолевали, – произнес дед, не сдержав вздоха. – Но если хочешь знать, ссорились ли, то скажу: еще как!

– Правда? – Алексей ничего подобного не помнил. Ему казалось, что бабушка и дед жили душа в душу. – И как же вы мирились?

Дед усмехнулся каким-то своим давним воспоминаниям, которыми не планировал делиться.

– В ссоре нет никакого смысла, если она не завершается примирением. Мы оба знали это, но обычно уступал именно я, – в его голосе не было сожаления о своей слабости. Наоборот, дед, похоже, доволен тем, что умел смирить гордыню, чтобы угодить жене. – Мужчина должен быть сильным, бороться за место под солнцем и все такое подобное. Он победитель, герой, молодец, но не дома. Дома жена верховодит, и я это всегда понимал. В чем тут честь, если ты с женщиной сражаешься?.. А твоя бабушка тоже это понимала, потому ценила мои уступки и старалась обо мне позаботиться – накормить вкуснее, уют создать, приласкать. Так что я никогда не тянул на себя одеяло, пусть она будет довольна... Может, поэтому мы семьдесят лет вместе прожили и были счастливы. Уступал я...

Возвращаясь домой, Алексей думал: «А в чем я еще уступить могу? Смириться с тем, что она встречается с другим мужчиной? Но это же абсурд. Какой смысл жить вместе, если она будет уходить к другому, а я стану делать вид, что все в порядке? То ли неправильно я совет понял, то ли жизнь у старшего поколения была какой-то иной. Не знаю».

Потекли дни, наполненные работой, делами, какими-то радостями, но в них – в днях и радостях – каждый оставался сам по себе. Еще недавно общий на двоих мир начал делиться, как клетка организма, а разделившись, грозил стать отдельным миром для каждого.

Она была спокойна, очень-очень занята, ссылаясь на проверки, которыми засыпали их контору «сверху», на проблемы у подруг, в которых без нее никто не мог разобраться, на что-то еще... Алексей не проверял, но догадывался, как много она произносила лжи, и ему претило, что слова с любым процентным содержанием нечестности одинаково просто падают с ее губ. Он не понимал, что ждет их дальше.

Казалось, что их объединяет только бизнес, и с деловыми обязанностями она не играла. В один из вечеров они сидели у его рабочего компьютера. Она с ноутбуком, он за клавиатурой. Затрезвонил телефон. Оказалось – его. Звонил Дима, словно чувствуя, что менее подходящего случая не представится. Кажется, он был пьян.

– Я узнал, как его зовут, – сказал Дима.

– Кого? – зачем-то переспросил Алексей, прекрасно понимая, что услышит в ответ.

– Того типа, с которым твоя жена...

Алексей глянул на нее, сидевшую в шаге. Сосредоточенный на работе вид, домашний трикотажный костюм, небрежно заколотые волосы. Динамик его телефона был достаточно мощным, так что она не могла не слышать голоса Димы, однако не проявляла ровным счетом

никакой реакции, спокойно набирая цифры и время от времени замирая, уставившись в экран ноутбука. Выглядела она при этом безмятежной, как стоячая вода.

Алексей почувствовал легкий тик под левым глазом. Раздражение нарастало. Против нее, или Димы, или себя самого – он точно не сказал бы. Пока что его все сильнее злил голос приятеля, получавшего удовольствие от всей этой ситуации. Это Дима еще не в курсе, что жена рядом и слышит его! Вот бы кайфанул...

– Слушай, Дим, мне это не надо, – сказал Алексей предельно холодным тоном.

В ответ приятель фыркнул.

– Не знаю, что ты там себе навывдумывал, но твоя жена...

Разорвав коннект, Алексей снова посмотрел на жену. Она продолжала вводить данные или притворялась, что занята только этим.

– Мария, – произнес он ее имя, словно ломая плотину, – ты же слышала, что он говорит.

Попытка скрыть упрек не принесла результата, его слова звучали обвинительно.

– Кто? – брови Марии взлетели вверх. – Дима?

– Да.

– И что он там говорит?

– Что у тебя роман на стороне! – Алексей выплеснул эти слова ей в лицо, ожидая чего угодно, но не насмешливого отчуждения.

– Ты веришь Диме? – уточнила Мария с выражением презрительной небрежности.

Она была права в том, что Дима славился отсутствием костей в языке. Они с Марией за глаза прозвали его Стерваменом, в смысле – вроде мужчиной, но все же стервой. Было за что. Дима обожал ссорить партнеров, мужей с женами, жен с мужьями, друзей и, вероятно, даже своих тараканов на кухне. Только вряд ли этот гад врал Алексею. То же самое подтверждала реакция Марии: если Дима выдумывает о ней гадости, то почему она не возмущена и не обижена?

– Но тебя с другим мужчиной не только Дима видел! Мария, ты же ведешь себя недостойно, так нельзя!

– Да? И что они видели? Свечку держали?

Нападение – лучший способ защиты. Алексей вскочил с места, заходил по комнате, пытаясь найти слова, которые пробудили бы в жене хотя бы какие-то признаки чувства вины, раскаяния, сожаления.

– Чем ты можешь быть недовольна, что я сделал не так? Ты пойми, в каком я положении оказываюсь, – да это просто стыдно!

Мария, отложив ноутбук в сторону, пожала плечами.

– Перестань выдумывать! Если меня и видели с кем-то, то где-нибудь в кафе, магазине, на улице, так? Ну, я с Олегом, Катиным братом, общалась, с сотрудниками... хотя они все немолодые. Значит, меня видели с Олежкой. И что? Почему тебе стыдно, если я прошла по магазинам с человеком, которого чуть не с детства знаю? На самом деле тебе должно быть стыдно за то, что ты веришь сплетникам!

Она смотрела на него с вызовом, такая уверенная в своей правоте, точно выбирающая слова, не чувствуя ни его боли, ни собственного бесстыдства. И Алексей вдруг понял, что сейчас должен уступить. В точности как говорил дед: нет доблести в сражении с женщиной. Семья строится иначе. Он может собрать ее вещи и выставить их за порог. Он может собрать свои вещи и уйти, чтобы выглядеть суперблагородно. Есть другой вариант: разбить всю посуду в доме, схватить жену за плечи и трясти, пока она не скажет правду и не возненавидит его до конца дней. Но каждая вариация предусматривает только разрыв и раскол их отношений – сиюминутный или отсроченный. А он хочет иного. Ему надо больше.

– Хорошо, – произнес он. – Пусть так, они сплетники. Как скажешь.

Этого ответа Мария и ожидала, но никак не предвидела услышать его так скоро. На ее лице промелькнуло облегчение – первый промах за все это время. Она себя выдала.

Глава вторая

Ни в чем не виноват

Мягкий щелчок входной двери, которую Мария закрывала со всей возможной аккуратностью, Алексей воспринимал как выстрел из стартового пистолета. Можно вставать – ушла! Он выбирался из кровати, плелся в ванную, потом на кухню, наливал чай, пытаясь вписать себя в начинавшийся день.

Алексей пришел к выводу, что чем реже он видится с женой, тем проще. Если же по каким-то причинам эти двое встречались в пространстве квартиры, то возникало ощущение искусственности положения. Появись в этот момент сторонний наблюдатель, он бы решил, что перед ним разыгрывается сцена из пьесы очень плохого драматурга. Диалоги звучали неискренно, а разрушить ложь не прописанными в сценарии репликами актеры не имели права.

– Доброе утро, – бормотал Алексей.

– Привет, – не поднимая глаз, отвечала Маша.

– Как дела... – произносил он, зная заранее ответ, и выслушивал его не моргнув глазом.

– Нормально.

Она тоже о чем-то спрашивала. Алексей кивал, качал головой, бросал: «Да», «Нет», «Не знаю». И день ото дня ему становилось все более тоскливо и тошно: для чего это все? Будь у него больше смелости, он спросил бы:

– Маша, почему ты обманываешь меня? – и добавил бы: – Что мне сделать, чтобы все стало по-прежнему?

А затем делал так, как она сказала. Именно это было основой их жизни раньше, первым ее правилом: Мария знала, чего хотят они оба, а он поддерживал ее в большинстве случаев.

Второе неписаное правило их совместной жизни гласило: все делать вместе. С самого начала отношений, а тем более семейной жизни, они не расставались дольше чем на рабочий день или на ночной сон. Друзья подшучивали: «Вы просто попугаи-неразлучники!», и если они не завидовали, то пусть Алексею отрежут правое ухо!

Всегда были вместе, а теперь врозь. И нарушал второе правило семьи не Алексей.

– У меня сегодня йога, я поздно вернусь, – бросала Мария в коридоре за долю секунды до ухода (если они, конечно, встречались утром). Она не объясняла, почему часовое занятие йогой задержит ее по крайней мере до полуночи, а он и не пытался это выяснить, чтобы не слышать неправды.

За пять лет брака он ни разу не сидел в кафе ни с кем, кроме собственной жены, не встречался с другими женщинами. Никогда, ни за что. Таково было третье правило: мы не флиртуем!

Самым выматывающим в нынешнем состоянии Алексея стал непрерывный водоворот горестных, досадливых и язвящих внутренних тирад, образов, догадок и жалоб. Мысли в его голове неслись по кругу, как цирковые лошади, которые бегут одна за другой, топоча копытами прямо по мозгам. Едва он отвлекался на какое-то дело, погружаясь в работу, как вдруг снова раздавался топот: «Как она могла так поступить? Это же нечестно! Я вел себя порядочно, я все делал по правилам, а она...» И снова, и снова, и снова.

Хуже всего было то, что новый образ жизни Марии мешал нормальному, рутинному ходу вещей. Алексею казалось, что вместе с женой от него отступился, отказался весь мир, но на самом деле все было проще – без Марии он не знал, что делать дальше как в бизнесе, так и в жизни. Жена изначально брала на себя роль медиатора между бизнес-пространством и им самим, доводя до сознания Алексея те послы, которые можно использовать для развития

бизнеса. И в более широком смысле Мария словно бы вела его по жизни в качестве зрячего рядом со слепцом или толмача рядом с иностранцем. Не потому, что Алексей был глуп, а по той причине, что он не пытался использовать решительность и смекалку, уверенность в себе. И даже не понимал этого, привыкнув к удобному порядку вещей, который обеспечивала жена.

Прежде он рассказывал ей о том, как идут дела, и она говорила:

– Да, вот это хорошая идея, ты молодец!

Или:

– По-моему, нам надо еще подумать над этим вопросом.

Вот так становилось ясно, что делать дальше. Теперь же Мария иногда заглядывала в компьютер, но совершенно равнодушно, лишь для того, чтобы в целом оценить ситуацию и, если близился крах, принять меры предосторожности. Но что делать дальше, в каком направлении развивать бизнес, за что браться сейчас, а что отложить на потом, Алексей не понимал. Он пытался привлечь ее внимание, а она лишь отмахивалась:

– Все нормально, не паникуй. Мне сейчас некогда, я потом посмотрю...

«Ей плевать на все, что нас объединяло! Почему она так ведет себя, почему отстраняется, не хочет говорить, слушать? Чем я это заслужил?..» – и опять его несло по новому кругу терзаний и обвинений. Минута за минутой, день за днем, неделя за неделей. Тревога закручивалась штопором, выталкивая его на следующий уровень ревности и раздражения.

Сидя в очередной раз у компьютера в растерянности, он задумался о будущем, о том, что станет итогом раскола, и пришел к страшному выводу: Мария уйдет. Алексея передернуло от одной только мысли о подобном исходе – в его миропорядке нет ничего страшнее, чем оказаться брошенным, обманутым мужем. Он будет выглядеть смешным и жалким, друзья начнут сочувствовать, а кое-кто из них – со злорадным удовлетворением. И все станут мыть за спиной кости и ему, и Марии.

– Они никогда друг другу не подходили! Машенька такая яркая, сильная женщина, а наш Лёшик – ну, не супергерой. Даже странно, что пять лет вместе прожили... Жалко, конечно, такую красивую и дружную пару, но признаем честно, что их отношения были обречены с самого начала. Лёша не мог бы удержать такую, как Мария. Она просто не пара ему...

Никто даже не вспомнит, не подумает, как много вложено в эти отношения. Хотя... о чем он вообще переживает? Снявши голову, о волосах не плачут. Пусть болтают что хотят, не так уж это важно. Без Марии он просто не знает, как жить, что делать с бизнесом, с самим собой.

Отказываясь заглядывать в безрадостное будущее, Алексей погружался в воспоминания: что он представлял собой до того, как она стала частью его жизни?

В детстве Алексей был робким мальчиком. Из разряда тех, кто старается держаться чуть в стороне от эпицентра событий. Боялся ли он чего-то? Нет, не особенно. Если не побеждал в соперничестве с ровесниками, то не потому, что был слабаком или трусом. Он не столько проигрывал приятелям, сколько уступал им пальму первенства, считая, что недостойн ее. Мальчишки, которые не парились чувством вины за свой выигрыш, радовались своим успехам, но Алексею, если в какой-то момент он оказывался самым сильным, ловким или умным, становилось неудобно перед остальными. Он ведь случайно победил, так что нечем гордиться. Другие ребята куда больше заслуживают звания призера, чем он, значит, нет повода задирать нос. Он и не задирал.

Воспоминания отнесли его лет на двадцать назад, в зимний свежий день, когда компания мальчишек, в которую входил Алексей, обнаружила во дворе гору снега, собранную снегоуборочной машиной с дороги и сваленную специально на радость подросткам. Пацанам не надо объяснять, что делать, если есть целый Эверест снега.

– Играем в царя горы! – закричали они и полезли вверх по белым холодным комьям. Каждый старался отпихнуть других, чтобы овладеть высотой и удержать ее в своей власти как можно дольше.

Алексей тоже рванул вверх и не замешкался, не позволил спихнуть себя на подъеме. Забирался на вершину он с огромным азартом, но как только его ноги крепко стали на малюсенькой площадке наверху сугроба, решимость отступила. Алексей растерялся. Крикнуть: «Я царь горы!» – оказалось невозможной задачей. Нет, какой он царь, это не для него.

В этот момент на гору взобрались сразу два его приятеля, оба хохотали и вопили вразнобой:

– Я царь горы!

– Нет, я!

И Алексей почти машинально шагнул вниз, уступая им пространство. Следом лезли остальные пацаны. Кто-то отпихнул его, он шлепнулся на задницу и скатился к подножию. Как ни странно, под горой ему стало спокойнее – не надо никого толкать и орать, как бешеному. Вот его место, внизу.

Подобных случаев запомнилось немало, но этот как-то очень ясно врезался в память и время от времени вспоминался к случаю и без. Он так ни разу и не стал царем горы, упуская шанс за шансом. И только один раз ощутил себя крутым и сильным, как никогда в жизни, – став мужем Марии. Она была его компенсацией за вечные уступки, наградой за все недобытые победы, и он готов был снова и снова уступать свое место на горе другим, лишь бы жена оставалась рядом. В этом ведь была логика, разве не так?

Они были знакомы со школы, но отношения начались гораздо позже, после возвращения Алексея из армии. Вряд ли Алексей задумывался над такими вещами, но дисциплина службы и высокие требования взбодрили его тестостерон, что явно пошло на пользу. И пока жизнь на гражданке не подмяла его, он действительно ощущал себя мужчиной, который готов дерзать. Таким его и увидела Мария на случайной вечеринке у общих друзей.

Алексей не запомнил деталей – одежды, первых слов. В школе Мария считалась красоткой, таких не забывают и через полвека, поэтому едва заметив ее среди гостей, Алексей поймал ее взгляд и улыбнулся: «Привет!» В ответ ее лицо озарилось радостью, и он тут же устремился к ней.

Неважный разговор, обмен номерами телефонов. Еще немного слов, которые произносятся лишь для того, чтобы получить возможность рассмотреть друг друга и оценить впечатление...

– А ты тут с кем? – спрашивает Алексей. Природная робость не мешает ему в тот момент. Все-таки армия действительно пошла на пользу.

Он ни секунды не сомневается, что такая девушка должна быть окружена ордой поклонников и встречаться с каким-нибудь везунчиком. Он даже не замечает, что заранее уступил ее неизвестному сопернику просто потому, что привык уступать. Но – чудо! – Мария недавно рассталась с парнем и теперь наслаждается свободой. Или делает вид, что наслаждается, потому что всегда стремилась к крепким отношениям, не желая растрачиваться на случайные связи. Алексей не верит своей удаче.

После той встречи они начали переписываться и встречаться. Их притянуло друг к другу так крепко, что вскоре Алексей сделал предложение. С ней ему было хорошо. Она не давила, не капризничала, не требовала, а принимала его таким, как есть. С ней он мог оставаться собой, быть веселым, добрым, чутким к ее желаниям. Он признавал ее внутреннюю силу со всей своей привычной уступчивостью, что позволяло оставаться в зоне комфорта.

15:00 – надо возвращаться к делам. С тяжелым чувством Алексей увидел в списке дел звонок клиенту, назначенный именно на эти проклятые три часа.

«Позвоню ему, а потом выпью чашечку свежесваренного кофе...» – уговаривал себя он. Коммуникация никогда не была сильной стороной Алексея. Клиент начнет артачиться, загибать пальцы, требовать нереальных скидок, соврет, что у другого поставщика условия лучше, и Алексей поверит ему на слово. Он всегда принимает на веру слова других людей, а потом лезет в интернет и убеждается, что его опять обвели вокруг пальца. Только поделать уже ничего нельзя, потому что договор подписан. Если не умеешь говорить «нет», то готовься к проигрышу, и Алексей был заранее к нему готов.

В прежние времена он попросил бы о поддержке Марию. Теперь он этого делать ни за что не будет, потому что она не просто обидела Алексея своим поведением, она предала его.

«Не хочу, – думает он, – ничего не хочу. Она сегодня, видите ли, занята, а я тут сижу. Знаю я, где она на самом деле, – в клубе!» Он принялся искать заведение, в котором они с Марией когда-то побывали вместе. Кажется, их пригласили на празднование дня рождения... Алексей стал рыться в «историях» браузера. Давно это было... Неожиданно появилась спонтанная идея: прогуляться в этот клуб. Наверное, надо одеться соответствующе, чтобы не выглядеть смешным и жалким.

Он пролистал фотографии, сделанные на мероприятиях клуба, изучая внешний вид гостей. Внезапно пронзила мысль о том, что неплохо будет выпить. И не пива, не вина, а крепкого алкоголя, который он не принимал уже несколько лет. Интересно, как он подействует, учитывая долгий период воздержания?

К клубу Алексей подъехал на такси. Вышел из машины, огляделся. Вряд ли, конечно, он встретит тут жену – слишком большой город, слишком много подобных заведений. Может, это правда, что она ходит именно в караоке, и тогда вероятность встречи стремится к нулю.

В зале темно, многолюдно и шумно. Музыка как-то сразу оглушает, отбирает остатки контроля. Алексей подходит к барной стойке, за которой сидят несколько парней. Чокаются, громко разговаривают, перемежая слова матом. Ну и публика... Да какая разница?

– Текилу! – говорит он бармену, и спустя полминуты перед ним ставится высокий и тонкий цилиндрический стаканчик со слегка маслянистой на вид жидкостью.

Алексей смотрит на него некоторое время, проверяя свою решимость, а потом лихо опрокидывает текилу в горло. Долю секунды кажется, что сейчас он закашляется, выплюнув жидкость, но она умудряется проскользнуть по горлу и пищеводу вниз, по дороге напалмом обжигая слизистые. Желудок содрогается, спазм вызывает боль.

«Господи, какая гадость, – думает Алексей, стараясь не показывать своих чувств, что крайне сложно. – Правильно я делал, что не пил!»

Боль растворяется, уходит. Ее сменяет приятное тепло, а затем появляется то, ради чего пришлось претерпеть такую муку: эйфория. Впервые с того момента, как Алексей узнал правду о жене, мысли-кони останавливаются, уходят щипать травку на дальние зеленые луга под пение птиц, и его мозг больше не топчет их крепкие копыта. Какое облегчение.

«Давно надо было выпить!» – резюмирует Алексей.

Легко и непринужденно он встает с барного стула и движется в сторону танцпола. Лица отдыхающих кажутся ему размазанными, их движения – нелепыми. Сквозь пары алкоголя музыка воспринимается уже не как чужеродный набор несуразных звуков, а как руководство к действию. Алексей начинает танцевать. Один, не глядя по сторонам. Его не беспокоит то, что о нем могут подумать эти люди с размазанными лицами. Он не уверен, что они существуют на самом деле. Время остановилось несмотря на канонаду ритмичных ударов, бьющих из колонок. Очень хорошо, очень опустошает, так и надо!

Ощувив первый признак усталости, Алексей возвращается к бару. Матерщинники ушли, у стойки сидит мужчина. Приземлившись через табурет от него, Алексей повторяет заказ:

– Текилу!

Краем глаза он замечает странное – несмотря на то, что в полумраке зала невозможно разглядеть лицо человека, сидящего рядом, он уверен, что видел его раньше. В тот день, когда бежал к машине, чтобы поехать в кафе, где Мария сидит с другим мужчиной, и разнести его бейсбольной битой. Тогда он принял этого типа за Витьку, и если бы не это, то точно наделал неприятностей. Так что следовало бы сказать спасибо.

Вдруг из грохота звуков доносится несколько слов:

– Ты сам виноват!

Алексей смотрит на соседа в несказанном изумлении.

– Что?..

Человек произносит на порядок отчетливее:

– Там парни шумят! – и указывает на локальную потасовку в другом конце зала.

Алексей ослышался, предыдущая фраза померещилась ему из-за созвучия слогов. Какая глупость!

– А... ну да... – бормочет он.

Текила отражает синюю лампочку, висящую под потолком. Это так красиво, что жаль пить.

– Ты ведешь себя как тряпка! – слышит Алексей тот же голос.

Едва не подпрыгнув на месте, он поворачивается к соседу по стойке.

– Че-го?

Человек снова указывает на тот угол, где была потасовка.

– Там нарушение порядка! – Алексей понимает, что ослышался снова. Человек поясняет свою мысль: – Сейчас приедет полиция и нас всех отсюда выводит.

Опрокидывая стакан в рот, Алексей не замечает, что собеседник удаляется в сторону выхода. Ежась от нового приступа боли, но куда менее сильной, чем в первый раз, Алексей замечает, что остался у барной стойки один.

«Вот придурок... – думает он, а в голове фоном звучит: – Сам виноват, ведешь себя как тряпка!»

Через минуту он снова на танцполе. Сознание отключено, тело выплескивает напряжение в бездумном ритмичном движении.

...Утром Алексей проспал не только уход Марии, но и еще полдня. Выбираясь из-под одеяла, он ощущал себя пустым изнутри и неповоротливым. Пока закипал чайник, Алексей пристально оценивал свое состояние, пытаясь понять, хорошо ему или плохо. Вчера не перебрал, но расслабился, а потом выплеснул в танцах напряжение и как следует выспался. Да и настроение вполне ровное.

Пройдя с чашкой чая в свой мини-офис, Алексей сел в кресло и открыл ноутбук. Порывшись в документах, сообразил, что вчерашний звонок клиенту сделан. Вот договор. Мария снова пришла на помощь, как Чип и Дейл в одном лице, и, судя по всему, снова не дала промаху – клиент принял все ее условия. Волна гордости и восхищения на некоторое время затмила ревность и злость. Алексей даже улыбнулся, представив себе Марию с трубкой в руке, парирующую любые выпады собеседника...

«А я сам? Почему не могу, как она?» Вспыхнувшее чувство вины пробудило воспоминание: мужская фигура с неразличимым в полумраке клуба лицом, странные слова. Ах да, тот придурок! Алексей и забыл о нем. Все-таки интересно, что это было – галлюцинация после текилы или какой-то дикий пранк? «Ты сам виноват», «Ведешь себя как тряпка»... Что это значит? Если мужик пытался поиздеваться, то должен был знать весь бэкграунд Алексея, недавние события и все переживания, что невозможно. Значит, алкоголь виноват. Он ввел запрос в поисковик «галлюцинации после текилы», но никаких подтверждений на этот счет не обнаружил.

И даже если не пытаться понять, что вчера произошло на самом деле, остается вопрос: почему в голове Алексея застряли именно эти слова? Он точно знает, что виновата Мария. Она встречается с другим мужчиной, она плохая, она предательница, а не он, который все делал для нее, во всем поддерживал и оставался верен. И Алексей не ведет себя как тряпка, потому что он... вообще никак себя не ведет. В любом случае – что за обвинения такие?

– Иди на хрен, – произнес он вслух, обращаясь к таинственному человеку из клуба. – Ты мне померещился, а теперь иди на хрен!

И принялся за работу с неожиданной для себя решимостью.

Следующие пару недель Алексей продолжал избегать встреч с женой. Подавленность не уходила, злость тоже, но удавалось запихивать их поглубже внутрь, чтобы не мешали функционировать. Вероятно, это новый этап, и он смиряется с тем, что происходит. Пытается убедить себя, что так тоже можно жить, ведь Мария не бросает его, иногда помогает в бизнесе. Да, в доме затхлая и холодная атмосфера. Да, невыносимо. А есть какой-то иной выход? Что он может сделать, ведь от него ничего не зависит?..

Временами Алексея посещала надежда, что если он исхитрится потерпеть, то Мария одумается, вернется и все встанет на свои места. Пять лет прекрасных взаимоотношений, полного консенсуса и гармонии не могут просто так остаться в прошлом. Кого там она нашла – неужели тот парень уступает ей еще больше, чем Алексей?! Не смешите, таких не существует. Надо просто сцепить зубы и держаться.

Иногда все-таки накатывало, и тогда Алексей выходил на прогулку в парк, чтобы разогнать мышечной активностью поднимавшиеся со дна души к самому горлу душасшие мысли. Их следовало скрутить в бараний рог и засунуть как можно глубже, чтобы сидели не высываясь.

Сегодня он вышел из дома в совсем разбитом состоянии, а едва добрал до парка, как ощутил странное давление в груди, будто там сидит какое-то существо и трудолюбиво причиняет ему боль. Ощущение нарастало и нарастало, поднимаясь все выше, а потом вдруг словно пробило насквозь, вырвавшись наружу рыданием.

Ошарашенный собственными слезами, Алексей поспешил свернуть на безлюдную боковую дорожку, где упал на лавку и поднял воротник куртки, скрывая мокрое лицо. Он тяжело дышал, сердце билось в бешеном темпе: «Господи, что со мной? Мужики ведь не плачут!» Но слезы катились из глаз, и это была реальность...

Переживая момент острейшего стыда, вместе с тем Алексей ощущал неожиданно мощное облегчение и освобождение. Маленький злодей, грызший его изнутри, вытек вместе с влагой из слезных потоков. Почувствовав это, Алексей тихо рассмеялся и вытер лицо платком. Момент был прекрасен, им хотелось наслаждаться.

И тут он услышал уже знакомый голос:

– Привет!

Обернувшись, он увидел, что рядом с ним на лавочку, но только лицом к дорожке, присел мужчина. Заходящее солнце светило ему в спину, так что разглядеть его лицо снова не удавалось. Тем не менее Алексей моментально узнал его, это был тот самый тип, принятый однажды за Витьку, а также появившийся две недели назад в клубе. Как некстати!

– Добрый день, – сказал Алексей сухо. – Извините, мне надо побыть одному.

– Я не помешаю, – рассмеялся человек. – Ты слышал когда-нибудь притчу о правше?

– Давайте в другой раз...

Говоривший сделал вид, что не замечает возражений, и Алексей, как всегда в подобных ситуациях, уступил: «Ладно, посижу тут три минуты, а потом найду способ улизнуть».

– Жил-был правша, который строил дом, – заговорил нараспев назойливый рассказчик, – всю работу он выполнял только правой рукой, как ты понимаешь. Но дом все никак не строился: днем правша возводит стены, ночью спать ложится, а утром все, что сделал, оказывается

разрушено. Наверное, решил правша, сосед завидует ему и рушит его дом! Стал судиться с соседом, тот обиделся и уехал, а дом все равно днем строится, а ночью разрушается. Тогда правша принялся обвинять брата – тот с детства ему гадости делал, значит, и дом он мешает возводить! Брат обиделся и тоже уехал. А с домом все та же пакость происходит, и ничего тут не поделать. Однажды мужик догадался поставить на ночь камеру наблюдения, чтобы поймать мерзавца. Днем поднял стены, включил запись, а утром проснулся – вся его работа разрушена. Посмотрел видео и обалдел: оказывается, это он сам по ночам свой дом разносит – левой рукой.

– Он что – придурок?

– Нет, он не придурок. Это же притча, а они все... немного шиворот-навыворот. Главное, найти смысл притчи, понимаешь?

– Да какой тут смысл? Чушь какая-то, – Алексей начинал злиться.

– Сам решай, – голос человека прозвучал неожиданно значимо и почти сурово. – Если мужик сидит посередине дня на лавочке и слезы глотает, то тут либо притчу ему рассказать, либо подзатыльник отвесить. Если хочешь – отвешу подзатыльник.

– Есть и третий вариант – отвали! – грубо сказал Алексей и подскочил с лавочки.

Уходя, он услышал неприятный смех незнакомца.

Глава третья

Замкнутый круг

– Лёша, просыпайся!

Голос Маши, от природы глубокий и мелодичный, звучит на два тона выше, и это неприятно. Экономичным, выверенным движением Алексей засовывает голову под подушку.

– Ну хватит уже дурака валять, – теперь Марию едва слышно, что приносит некоторое облегчение, но неприятная, беспокоящая тональность ее голоса продолжает сверлить мозг.

Дня три она разговаривала с ним не иначе как только императивами: «Проверь почту, там должен быть заказ от клиента!» или «Вынеси мусор, у нас под раковиной уже свалка». Он был ей глубоко неинтересен, а тут вдруг такое яркое проявление внимания! Пусть в негативном плане, но... лед разбит!

– Что? – отвечает Алексей, не вынимая головы из укрытия.

– Нет, это я тебя спрашиваю, что – доносится до него, – что это такое?

– О чем ты?..

Слегка сдвинув подушку с левого глаза, Алексей видит висящую над ним руку жены, на указательном пальце которой болтается автомобильный ключ с брелоком Mercedes. Он не скрывал своей покупки, просто не планировал говорить о ней сегодня, предвидя реакцию Марии.

– Это что за ключи?

Он видит ее, полностью одетую для выхода из дома, с сумкой на плече.

– Какие еще ключи? Я не проснулся, ничего не понимаю! – тянет время Алексей, пытаясь нащупать лучшую тактику противостояния. Он всегда проигрывает в таких ситуациях, и случись этот разговор пару месяцев назад, Алексей уже выбрался бы из постели, оправдываясь и пытаясь добиться понимания, одобрения, радостного сочувствия. Хотя пару месяцев назад он бы не отмолил ничего такого. Сейчас все было иначе, он будет отстаивать свои права.

– Ты что, машину купил? – она задает вопрос так, будто рассчитывает услышать любой ответ, кроме «Да, я купил себе машину!» Теперь Алексей понимает тактику своей победы: надо делать вид, что ему плевать на ее возмущение. Этого еще никогда не было – пусть удивится!

– И что тут такого?.. – произносит он, прилагая огромные усилия, чтобы выглядеть небрежным и раскованным.

– А деньги откуда?

– А не все ли тебе равно?

Он переворачивается на спину, закидывает руки за голову и смотрит прямо на нее, не отводя глаз. Он видит, как неожиданны для нее и его слова, и поза, и взгляд. Она удивлена, как он и хотел, но спустя пару мгновений начинает злиться еще сильнее.

Мария делает размашистый шаг к окну, выглядывает. Алексей знает, что ей прекрасно виден припаркованный у подъезда вишневый автомобиль с откидным верхом. Подтвердив свои подозрения, но все еще не веря собственным глазам, она снова смотрит на ключи в своей руке: неужели он купил кабриолет?!

– Ты с ума сошел, – говорит она, все еще разглядывая авто. – Если это кредитные деньги, то... – впервые она не находит слов, настолько безумным ей кажется все происходящее.

Наслаждаясь произведенным эффектом, Алексей переживает момент триумфа. Ему весело и страшно, будто он играет с оружием или пробует наркотик – делает нечто по-настоящему опасное и притягательное.

Выражение ее лица неожиданно меняется: глаза сужаются, а линия губ становится твердой.

– У тебя кризис среднего возраста, – говорит она с заметным отвращением, – чего еще от тебя ждать!

Ему хочется сказать в ответ что-нибудь очень обидное, злое, чтобы больно задеть. Пусть она не будет страдать так, как он, но очень хочется стереть с ее лица это выражение непробиваемой убежденности в своей правоте. Да ведь все, что происходит, это из-за нее!

Невероятным усилием воли ему удастся сохранить и нахальный вид, и позу. Получилось даже не отвести взгляда. Мария тоже молчит, ее пальцы с острыми ногтями машинально почесывают кожу на шее, оставляя бледно-розовые следы. По этому нервному жесту, по дрогнувшим ресницам Алексей догадывается, что она растерялась или расстроилась: «Значит, я все же могу вывести тебя из равновесия, значит, могу!»

В этот момент он не помнит, что когда-то, в свои 13–14 лет, уже разыгрывал такие вещи с мамой. Правда, длилось это недолго, потому что Алексей, повредничав и почудив немного, легко пережил переходный возраст. Зато теперь нерастраченная тинейджерская энергия хаоса проснулась, чтобы снова не позволить мыслить по-взрослому.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.